

Я долго думал, стоит ли писать это письмо. Долго анализировал результаты своей поездки в Санкт-Петербург в феврале 1916 г. И наконец решил – надо, потому что это важно не только для людей старшего поколения, но и для молодежи.

А дело вот в чём. Хотелось пройти дорогами войны моего отца Болычев Сергей Зиновьевич (21.09.1918 – 13.08.1999 гг.) являлся участником финской войны. В Великой Отечественной войне – с июня 1941 года. В конце 1941 г проходил спецподготовку в районе Рабочих поселков № 1 и 2 под Ленинградом. В феврале 1942 г. был назначен командиром установки БМ-13 вновь созданного 239 гвардейского миномётного дивизиона 30 Гвардейского полка легендарных Катюш. За боевые успехи при прорыве блокады Ленинграда полку было присвоено почётное звание Ропшинский. Отец воевал на Ленинградском и Волховском фронтах. Награждён медалями «За оборону Ленинграда», «За боевые заслуги», тремя медалями «За отвагу», орденами «Красная Звезда», «Слава» третьей степени. Прошёл весь ужас блокады. Ел липкий блокадный эрзац-хлеб пополам с опилками, терял своих товарищей, видел бесчисленные трупы мирных жителей, людские скелеты со срезанными мышцами в воронках от бомб...²

7 февраля 1944 года отец был тяжело ранен осколком авиабомбы под Нарвой. Ленинградские врачи сделали невозможное (светлая им Память!). Они удалили осколки бомбы, большой и малой берцовых костей, но сохранили ногу. Она стала на 4 см короче, потеряла большинство своих функций, но он остался жив и дожил почти до 81 года.

² Мой очерк об отце «Рядовой страны Советов» был напечатан в журнале . «На русских просторах», вып. 7–8 в 2011 году.

Второй причиной поездки были поиски старшего брата отца – Большчева Михаила Зиновьевича 1911 года рождения. Поскольку фамилия Большчев и отчество Зиновьевич являются малораспространёнными, была надежда найти каую-нибудь информацию о нём. Семья ничего не знала о нём. О его судьбе стало известно только после создания Книг Памяти жертв Ленинградской блокады и их оцифровки. Из 4-ого тома узнал, что Большчев Михаил Зиновьевич умер в блокадном Ленинграде в декабре 1941 года.

Дяде в 1941 г. было 30 лет. Браки в то время заключались рано, возможно у него была семья, и у меня в душе теплилась слабая надежда, а вдруг удастся найти его близких...

Свои поиски я начал с беседы с заведующей отделом Музея обороны и защиты Ленинграда Муравьёвой Ириной Александровной. Она подсказала мне план поисков.

Начал я с Государственного архива. В Книге записи актов гражданского состояния Смольнинского района за 16 декабря 1941 г. сделана запись о смерти «сборщика ст. тр. конструкций Большчева Михаила Зиновьевича 1911 г.р. Причина смерти – миокардит». Мне удалось несколько секунд подержать в руках эту книгу. Миокардит – это заболевание сердца. У других умерших тот же самый диагноз. Перелистываю несколько страниц назад. Здесь запись диагноза смерти другим почерком; причина смерти – «Сильное истощение, кровавый понос, сердечная слабость, миокардит». Это уже реальный диагноз. С 14 по 18 декабря 1941 г. в Смольнинском районе с таким диагнозом умерло 598 человек. Возможно, и работница зага тоже умерла... Получаю Свидетельство о смерти Большчева М.З.

«Место проживания – Смольнинский район, 9-я Советская улица, 31, общежитие».

Сейчас по этому адресу находится элитная гимназия. Строгая консьержка на входе. Здравуюсь, объясняю цель своего визита. Директора на месте нет, вызывает к вертушке на входе завуча. Фамилию, к сожалению, не запомнил. Объясняю ей цель своего визита.

– Во время войны никакого общежития здесь не было. Здесь был госпиталь. И вообще мы занимаемся учебным процессом и заниматься поисками у нас нет времени!

Пришлось извиниться и уйти, не солоно хлебавши.

Госпиталь. Думаю, что весьма вероятно, что там был госпиталь. Если бы он упал на улице или умер бы в квартире, то не было бы такого диагноза: из воспоминаний блокадников читал, что трупы свозили в ближайшие больницы и потом хоронили в братских

могилах или сжигали в печах крематория. Перед отъездом снова встретился с Муравьевой Ириной Александровной.

– Госпиталь на 9-й Советской улице, 31? Сейчас посмотрю.

Смотрит в своих записях.

– Нет на 9-й Советской улице, 31 госпиталя не было!

Значит не госпиталь, а общежитие. Большчев Михаил Зиновьевич умер в общежитии.

Неподалёку от гимназии находится огромная ТЭЦ. А вдруг «сборщик ст. тр. конструкций» – это сборщик стальных трубных конструкций, слесарь по-нынешнему. Понимаю, бесконечно малую вероятность положительного ответа – в Ленинграде перед войной было много станкостроительных заводов, – но на всякий случай захожу в проходную, звоню в отдел кадров. Трубку взяла начальник ОК Супонина Алла Владимировна. Представился. Объяснился.

– Да ведь прошло больше 70 лет, и все личные карточки уничтожены.

Напоминаю, что карточки по закону хранятся 75 лет.

– У нас архив находится на другой территории, обязательно посмотрю.

Оставляю свой номер сотового телефона.

Уже в поезде через час после моего отъезда из Ленинграда позвонила мне начальник отдела кадров ТЭЦ А.В. Супонина.

– Была в архиве, пересмотрела все личные карточки работников, начиная с 1936 года. Большчев Михаил Зиновьевич не значится.

Благодарю Аллу Владимировну за доставленные ей хлопоты.

Круг замкнулся. Шла страшная война. Где жил, где работал, где похоронен – неизвестно. Один из миллионов жертв нацизма...

Еду в Ижевск со свидетельством о смерти моего дяди. Где-то в братской могиле его прах. Где? Думаю, нужно выяснить ещё, на каком кладбище хоронили в декабре 1941 года умерших и погибших жителей Смольнинского района?

Поиски продолжаются...

Г. Ижевск